

DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.066

Н. Э. Жигалова

УДК 94(495) + 929.52 Палеологи + 929 Мурад
(560)*2 + 94(450.341)“1422/1430”*Уральский федеральный университет*
Екатеринбург, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ФЕССАЛОНИКЕ В ПЕРИОД ОСМАНСКОЙ ОСАДЫ 1422–1430 гг.

В статье анализируются социальные противоречия внутри городского сообщества Фессалоники в период османской осады 1422–1430 гг. Предметом рассмотрения также стала проблема взаимоотношений населения и городской администрации Фессалоники в условиях экономического кризиса и политической нестабильности, вызванных осадным положением города.

Как показало исследование, одним из факторов внутриполитической дестабилизации стало полное разочарование горожан в наместнике города Андронике Палеологе. Непопулярные меры, предпринятые деспотом для организации обороны города от подступившей в 1422 г. османской армии, привели к внутригородским волнениям и бунтам. Жители Фессалоники, понимая, что действующая власть не в состоянии защитить их от внешней угрозы и не может гарантировать им стабильность в будущем, обратили свои взоры к тем, кто был заинтересован в нормальном функционировании города и имел для этого ресурсы, — туркам и венецианцам.

Выявлено, что к сторонникам протурецкой оппозиции относились те представители городской аристократии, которые во времена османского владычества в Фессалонике в 1387–1402 гг. упрочили свое положение путем коллаборации с османской администрацией и, вероятно, утратили часть своих полномочий и привилегий после возвращения Фессалоники под византийскую власть. В свою очередь, члены городского совета, представлявшие реальную политическую власть в городе и фактически уже не подчинявшиеся императорскому наместнику, в 1423 г. передали Фессалонику под управление Венецианской республики, рассчитывая сохранить свой статус и положение.

Поляризация городской общины привела к тому, что часть аристократии, в особенности проосманской, бежала из города или была арестована, а простые горожане оказались беззащитны перед теми вызовами, которые принесло с собой венецианское правление в Фессалонике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поздняя Византия; Палеологи; Мурад II; османское завоевание; турецкая осада Фессалоники; внутригородские противоречия

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-09-00091 «Турецкие осады поздневизантийских городов: особенности функционирования городского социума в ситуации межцивилизационного конфликта».

Ц и т и р о в а н и е: Жигалова Н. Э. Социальные противоречия в Фессалонике в период османской осады 1422–1430 гг. DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.066 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 112–125.

Поступила в редакцию: 20.07.2020

Принята к печати: 11.11.2020

Natalia E. Zhigalova

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

SOCIAL CONTRADICTIONS IN THESSALONICA DURING THE OTTOMAN SIEGE OF 1422–1430

This article analyses social contradictions within the urban community of Thessalonica during the Ottoman siege between 1422 and 1430. Also, the author considers the issue of relations between the population and the city administration of Thessalonica in the conditions of economic crisis and political instability caused by the fact that the city was under siege.

The study demonstrates that one of the destabilising factors of the urban society was the townspeople's complete disappointment with Andronikos Palaiologos, the governor of the city. The unpopular measures taken by the despot to organise the defense of the city against the Ottoman army approaching in 1422 led to intra-city unrest and riots. Realising that the current government was not able to protect them from external threats or guarantee their stability in the future, the inhabitants of Thessalonica turned to those who were interested in the normal functioning of the city and had the resources for it, i.e. the Turks and Venetians.

It is revealed that the supporters of the pro-Turkish opposition were representatives of the urban aristocracy who, during the Ottoman rule in Thessalonica between 1387 and 1402, strengthened their position by collaborating with the Ottoman administration and probably lost some of their powers and privileges after the return of Thessalonica under Byzantine rule. In turn, in 1423, members of the city council representing the real political power of the city and no longer subordinate to the imperial governor, transferred Thessalonica under the rule of the Venetian Republic, hoping to preserve their status and position.

The polarisation of the urban community led to the fact that part of the aristocracy, especially the pro-Ottoman, fled from the city or was arrested, and ordinary townspeople were defenseless against the challenges that the Venetian rule in Thessalonica brought with it.

Key words: Late Byzantium; Palaiologoi; Murad II; Ottoman Conquest; Ottoman Siege of Thessalonica; inner-city controversies

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research* (project 18-09-00091 “The Ottoman Sieges of Late Byzantine Cities: Particulars of Urban Society’s Functioning in the Situation of Inter-Civilizational Conflict”).

For citation: Zhigalova, N. E. (2020). Sotsial'nye protivorechiia v Fessalonike v period osmanskoï osady 1422–1430 gg. [Social Contradictions in Thessalonica during the Ottoman Siege of 1422–1430]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202), 112–125. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.066

Submitted: 20.07.2020

Accepted: 11.11.2020

В поздневизантийский период Фессалоника, второй по величине город империи, обладала особым статусом и имела ряд привилегий и свобод [см.: Tafralı, p. 66–71], что обеспечивало ей определенный уровень автономии [Necipoğlu, 2009, p. 134]. В городе были чрезвычайно сильны институты городского самоуправления, что нередко становилось причиной конфликтов между местными магистратами и имперским наместником Фессалоники [Браунинг, с. 30]. Особенно остро эти внутригородские противоречия проявлялись в кризисные периоды истории Византии, когда ослабевала связь со столицей и нарушались каналы коммуникаций с центральной властью. Именно по инициативе городского совета, состоящего из знатных и влиятельных горожан, в 1387 г. Фессалоника после четырехлетней осады была сдана османам вопреки воле деспота Мануила Палеолога, бывшего там наместником [Куш; Dennis, 1960]. Мануил, покинувший город незадолго до этого, сетовал на непокорность городских элит, а также на стремление горожан пойти на уступки «варварам», т. е. туркам [Συμβουλευτικός, p. 298.26–31]. О протурецких настроениях, царивших в городе в тот период, писали архиепископы Фессалоники Исидор Глава (1380–1396) и Симеон (1416/1417–1429) [Dennis, 2003], также столкнувшиеся со своеволием и строптивостью своей паствы [см.: Жигалова]. Иными словами, городской социум Фессалоники был живым, беспокойным организмом, противящимся любому административному давлению и стремящимся сохранить независимость своих общественных и правовых институтов.

Во время второй — и последней — турецкой осады Фессалоники в 1422–1430 гг. социальная напряженность в городе, фактически отрезанном от внешнего мира и лишенном поддержки извне, накалилась до предела: часть горожан, памятуя о терпимости турок, выступала за сдачу города османам, в то время как иные стремились получить поддержку со стороны Венецианской республики, имевшей торговые интересы в регионе [Τσάρας, σ. 85]. Несмотря на то, что вопросы функционирования городской общины Фессалоники неоднократно оказывались в центре внимания исследователей [Dennis, 1964; Dimitriades; Jacoby, 2002; Necipoğlu, 2003; Tafralı; Τσάρας], проблема противостояния власти и общества в последние годы византийской истории города не получила предметного рассмотрения. В настоящей статье мы попытаемся, опираясь на сведения византийских и венецианских источников, проанализировать социально-экономическое состояние Фессалоники в период осады города войсками султана Мурада II в 1422–1430 гг., выявить существующие в городе социальные противоречия, а также определить степень вовлеченности администрации в проблемы городского социума.

Как уже отмечалось, городская община Фессалоники нередко вступала в конфронтацию с имперскими наместниками города. Подобная ситуация сложилась и в 1422 г., когда во главе Фессалоники находился деспот Андроник Палеолог, третий сын императора Мануила II Палеолога. В силу того, что деспот был слаб здоровьем¹ и не предпринимал активных действий для защиты города от подошедшей османской армии, горожане начали активно выражать недовольство безразличием имперской администрации к их судьбе. По свидетельству архиепископа Симеона, «небрежность, неверные административные решения и непродуманные действия» властей привели к тому, что «люди восставали друг против друга, задумывали вредоносные заговоры, <...> а видные представители общины выступали против тех, кто заседал во дворце» [Symeon of Thessalonica, p. 52. 26–31]. Под «видными представителями общины» понимаются, вероятно, члены городского совета, представлявшие интересы фессалоникийской знати. Некоторые же горожане, составлявшие, по оценке венецианского хрониста Антонио Морозини, около четверти населения, вскоре и вовсе бежали из города [см.: Melville-Jones, p. 60].

В начале июня 1422 г. архиепископ, сознавая бессилие наместника защитить Фессалонику от турок, «тайно покинул город, направившись к великому василевсу Мануилу» [Symeon of Thessalonica, p. 54. 7–9], чтобы просить у императора помощи для своей паствы, фактически приняв на себя ответственность за судьбу города. Однако через неделю после отъезда Симеона началась осада Фессалоники, и стало очевидно, что город не выстоит перед столь грозным врагом. Не имея вестей из столицы, горожане, опасаясь голода, стали задумываться о том, не сдать ли город туркам: «Многие, и не только простолюдины, но и самые влиятельные люди предпочитали жить словно животные и <стремились> наесться досыта египетским хлебом» [Ibid., p. 56. 3–9]. Когда стало известно, что часть городских запасов зерна сгнила, остальное же уходило на обеспечение дворца деспота [Ibid., p. 56. 33–37], это вызвало негодование горожан. В отчаянии перед назревающим бунтом наместник Андроник Палеолог послал за Симеоном, прося того спешно вернуться в город. Деспот тем самым расписывался в своей беспомощности и неспособности своими силами справиться с беспорядками в Фессалонике и в отсутствии влияния на решения городского совета. В свою очередь, архиепископ Симеон был, вероятно, именно тем человеком, который представлял интересы императора в городе и имел серьезный авторитет среди населения.

В поддержку Андронику из Константинополя прибыло уполномоченное лицо, чье имя нам неизвестно, однако этот императорский посланник не привез с собой ни продовольствия, ни военной помощи. Кроме того, деспот, видимо, по настоянию столичного посланца, предпринял непопулярные меры, которые спровоцировали новый всплеск недовольства в городе. Так, он намеревался организовать специальный фонд, в который чиновники и состоятельные горожане

---

¹ Молодой Андроник предположительно страдал от слоновой болезни, хотя некоторые источники сообщают, что это была либо эпилепсия, либо проказа [см.: Barker, p. 372, n. 128].

обязаны были отдать часть своих сбережений для обеспечения обороны городских стен «во благо своей страны» [Symeon of Thessalonica, p. 57.16–18]. Однако, по свидетельству архиепископа Симеона, «большинство людей не желали этого делать, поскольку были напуганы и разгневаны. Некоторые бежали, другие выбрали иные пути, и это стало причиной всего того хаоса, из-за которого не было никакого доверия друг к другу» [Ibid., p. 57.18–21]. Сам Симеон, на поддержку которого Андроник, очевидно, очень рассчитывал, также стал объектом нападок со стороны негодующих горожан. Жители города, по его словам, «роптали против властей, даже напали на меня целой толпой, продолжая бунтовать, угрожали сокрушить святые церкви и нас вместе с ними, если мы не будем действовать в соответствии с их желаниями» [Ibid., p. 56.16–17].

Чего же именно «желали» жители Фессалоники, столь решительно требуя этого от представителей власти? Как кажется, за довольно прозаичным стремлением горожан сохранить имущество и сбережения крылся корень социальных противоречий городского сообщества: жители Фессалоники понимали, что действующая власть не в состоянии защитить их от внешней угрозы и не может гарантировать им стабильность в будущем, поэтому они обращали свои взоры к тем, кто был заинтересован в нормальном функционировании города и имел для этого ресурсы, — туркам и венецианцам.

К сторонникам протурецкой оппозиции, вероятно, можно отнести тех «архонтов», которым во времена османского владычества в Фессалонике в 1387–1402 гг. удалось упрочить свое положение путем коллаборации с османской администрацией и, возможно, утративших часть своих полномочий и привилегий после возвращения Фессалоники под византийскую власть [Nesirioğlu, 2003, p. 139–140]. Выскажем предположение, что социальной базой этой «партии» являлись простые горожане, которые хорошо помнили о веротерпимости турок, как и о различных налоговых льготах, предоставляемых ими покоренному населению [Dennis, 1960, p. 58]. Видимо, об этих людях архиепископ Симеон писал: «Как змий не может не заразить своим ядом, так и волк не может не трогать овец: многие верующие в городе были уличены в своей приверженности стороне неверных, тем самым погубили они как свою душу, так и тело» [Symeon of Thessalonica, p. 43.8–10].

Однако большинство членов городского совета придерживалось скорее противоположной позиции. Об этом свидетельствует фрагмент хроники Морозини, повествующий о том, что незадолго до начала осады «народ Фессалоники» отправил в Негропонт письмо с просьбой довести до венецианского Сената предложение деспота о передаче Фессалоники под власть Синьории [см.: Melville-Jones, p. 28]. Историк Дука, видимо, хорошо знакомый с итальянскими документами, также сообщает, что фессалоникийцы отправили нескольких чиновников к латинянам с предложением взять город под свое крыло², «с позволения деспота

² Ранее в историографии бытовало мнение, что Фессалоника была продана за 50 тыс. золотых монет, однако дальнейшие исследования показали, что город был передан венецианскому правительству на безвозмездной основе [см.: Τσάρας, σ. 85–123].

Андроника или без него» [Dukas, p. 247.23]. Это едкое замечание, на наш взгляд, довольно точно отражает отношение фессалоникийской знати к деспоту и его распоряжениям, а также говорит о том, что императорский наместник был лишь номинальным правителем города, тогда как местные элиты самостоятельно принимали политические решения.

Согласно протоколу заседания венецианского Сената от 7 июля 1423 г., деспот Андроник «от своего имени и имени своих сограждан» готов был передать город Венеции при условии, что Фессалоника сохранит свои обычаи и законы, горожане не будут ущемлены в своих правах и смогут покинуть город, если захотят [Sathas, p. 133; Vakalopoulos, p. 63]. Эти, как кажется, довольно расплывчатые формулировки предоставляли венецианцам определенную свободу действий в вопросах регулирования жизни городского социума Фессалоники, что стало благодатной почвой для новых конфликтов.

Для управления городом в Фессалонику были направлены официальные представители Венецианской республики (*provveditori*) Никколо Джорджо и Санто Веньер, которые должны были принять на себя управление городом и организацию обороны Фессалоники [Régestes..., p. 207, № 1896]. В 1424 г. статус проведиторов был приравнен к статусам герцога и капитана при условии, что проведиторы будут к этому времени управлять городом шесть месяцев и более. Их содержание (1000 дукатов в год) было сопоставимо с выплатами герцогу и капитану Крита [Ibid., p. 216, № 1933], что, с одной стороны, свидетельствует о включении Фессалоники в колониальную систему Венецианской республики, а с другой — говорит о том, что существовала необходимость повысить привлекательность упомянутых должностей для потенциальных кандидатов, учитывая, что город находился в кольце осады, а население весьма неоднозначно принимало новую власть.

Статус деспота Андроника оставался не вполне ясен. Как следует из постановления венецианского Сената, в случае если деспот Андроник изменит свое решение о передаче города, венецианские посланцы были уполномочены предложить ему ежегодную плату в размере 20–40 тыс. аспров [Ibid., p. 207, № 1898], однако он, очевидно, был обязан покинуть город в кратчайшие сроки. По свидетельству Морозини, вскоре после прибытия венецианских посланников в 1423 г. в городе возник заговор под руководством «деспота Андроника и его капитана» [цит. по: Melville-Jones, p. 63] с целью изгнать из города проведиторов и устроить резню среди христиан, венецианцев и знатных людей (вероятно, имеются в виду члены городского совета), чтобы передать Фессалонику туркам. Почти сразу заговор был раскрыт, виновники арестованы и высланы из города. Действительно, в более поздних венецианских документах встречаются упоминания о том, что некие лица были отправлены в ссылку за преступления против венецианской власти [Régestes..., p. 229, № 1995; Necipoğlu, 2009, p. 49–50]. Сообщение о том, что организатором заговора выступил Андроник, не внушает доверия, учитывая его слабый авторитет среди городского населения. Но это свидетельство подтверждает существование в Фессалонике серьезной протурецкой

оппозиции, опиравшейся преимущественно на городские низы, на что указывает желание заговорщиков расправиться с наделенными властью представителями аристократии. Однако провести тщательный анализ требований мятежников и понять суть их претензий мы не имеем возможности ввиду отсутствия других источников.

После того как деспот Андроник сложил с себя полномочия и покинул город³, единственным, кто еще представлял интересы греков в Фессалонике, оставался архиепископ Симеон. Согласно венецианским документам, духовные лица Фессалоники после передачи города Синьории сохраняли свое положение и привилегии [Régestes..., р. 207, № 1898]. Венецианцы, как кажется, относились к Симеону с должным почтением, поскольку известно, что в июле 1424 г. в Фессалонику была отправлена «ссуда в 500 дукатов на покупку подарков для архиепископа, который, по словам проведиторов, весьма предан Синьории» [Ibid., р. 219, № 1947]. Позже, в 1429 г., «чтобы продемонстрировать добрую волю по отношению к жителям Фессалоники, Сенат даровал одеяния каждому из послов [городской] общины, а также прекрасную ткань архиепископу города, человеку исключительной преданности» [Ibid., р. 263–264, № 2149]. Эти данные позволяют предположить, что Симеон с самого начала венецианского правления в Фессалонике не был в жесткой конфронтации с новыми правителями города и на протяжении нескольких лет исправно служил под их руководством [Jacoby, 2002, р. 312]. В то же время, по мнению Дж. Мелвилл-Джонса, указание на «исключительную преданность» Симеона по отношению к венецианским властям не может однозначно свидетельствовать в пользу того, что архиепископ выслуживался перед венецианской администрацией [Melville-Jones, р. 207]. Вместе с тем ясно, что знаки внимания Сената в сторону архиепископа носили подчеркнуто официальный характер и показывали желание венецианцев обрести в лице Симеона если не союзника, то хотя бы не противника.

В свою очередь, архиепископ, судя по всему, никак не выказывал своего расположения новой власти. По мнению Симеона, «ранее владевший городом христолюбивый деспот» был несправедливо лишен своих законных прав на Фессалонику «из-за тех предательских переговоров» [Symeon of Thessalonica, р. 55.17–20]. Другими словами, архиепископ был категорически против передачи города Венецианской республике. Прежде всего Симеон опасался, что владычество венецианцев может привести к обращению горожан к «латинской ереси» [Ibid., р. 58.1–25], хотя ни одно из постановлений Сената не содержало условий, предполагающих обязательный переход греческого населения в латинскую веру. Как отметил Симеон, именно при его содействии горожанам удалось отстоять независимость своей митрополии: «Моими стараниями и трудами все это они

---

³ В источниках отсутствуют данные, указывающие на то, когда это случилось. О дальнейшей судьбе Андроника Палеолога также мало что известно. Георгий Сфрандзи, доверенное лицо императора Константина XI Палеолога, отмечал, что деспот принял монашескую схиму под именем Акакий и умер в 1429 г. в монастыре Пантократора [Georgii Sphrantzae Chronicon, р. 40.10–12].

занесли в подписанные соглашения, чтобы дело [нашей] церкви не погибло <...>. Все вы знаете о том, как они добивались поминовения [на литургии], как их священники желали отправлять службы в наших храмах, сколь много я пострадал [от этого], чтобы сохранить православные обычаи ради истинно верующих» [Symeon of Thessalonica, p. 59.1–6]. Возможно, венецианцы все же пытались вмешиваться в религиозную жизнь города, однако натолкнулись на упорное сопротивление со стороны архиепископа.

Несмотря на, казалось бы, благосклонное отношение венецианских властей к Симеону, Сенат предпринял попытку ограничить юрисдикцию архиепископа, который обладал рядом судебных полномочий по имущественным и финансовым вопросам [Lemerle]. Так, согласно специальному предписанию Сената, в декабре 1424 г. было установлено правило, по условиям которого венецианский наместник в городе обязан проводить судебные разбирательства не три раза в неделю, как это было ранее, а ежедневно, чтобы лишить горожан возможности обращаться за правосудием к архиепископу [Régestes..., p. 222, № 1962]. Также под юрисдикцию архиепископа попадали должники и убийцы, которые могли найти убежище в храме Святой Софии, что закреплялось постановлением Сената от 17 июля 1425 г. [Ibid., p. 230, № 1998]. Однако в июле 1429 г. Сенат лишил архиепископа и этих полномочий, фактически запретив духовному лицу проводить любые судебные разбирательства над мирянами [Ibid., p. 265, № 2149]. Таким образом, проведиторы сконцентрировали в своих руках все судебные функции, что предоставляло им дополнительные рычаги контроля над городской общиной.

Это стало серьезным ударом для фессалоникийцев, которые предпочитали искать справедливости у архиепископа, а не у венецианского наместника. Сам же Симеон, возможно, мог бы опротестовать решение Сената, однако в 1429 г. он был тяжело болен, а в сентябре того же года скончался. Не исключено, что венецианские власти могли воспользоваться болезнью архиепископа и поэтому внесли изменения в судебную систему Фессалоники, не опасаясь противодействия со стороны духовного лидера греков.

По сообщению Иоанна Анагноста, смерть архиепископа ввергла горожан в уныние. По его словам, «все в городе — мужчины, женщины, дети, латиняне и даже евреи — скорбно обратились друг к другу, позабыв все остальные проблемы» [Ιωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις..., σ. 10.22–24]. После передачи города венецианцам в глазах греков Симеон был едва ли не единственным облеченным властью лицом, по-настоящему ратававшим за благополучие горожан. Так, опечаленных жителей Фессалоники Анагност сравнивал с «кораблем, попавшим в шторм и лишенным рулевого» [Ibid., σ. 12.1–2]. Образ рулевого не случаен — в политической риторике он выступал метафорой правителя, что подчеркивает восприятие горожанами архиепископа как истинного носителя власти.

Османь, в свою очередь, тоже прекрасно понимали, сколь значительную роль сыграл Симеон в укреплении боевого духа горожан во время осады. По свидетельству Марка Евгеника, турки после захвата города в 1430 г. изъяли останки

Симеона и осквернили их, полагая (не без оснований), что деятельность архиепископа «способствовала передаче города под власть латинян» [Μάρκος ο Ευγενικός, σ. 46]. Но причина такого поведения завоевателей крылась не только в этом: как известно, архиепископ Симеон в период осады горячо боролся против добровольной сдачи города османам и пресекал попытки горожан перейти на сторону захватчиков, в то время как султан Мурад II всеми силами стремился склонить греков к подчинению. Как сообщал Иоанн Анагност, «он отправил некоторых христиан из других городов, которые советовали нам спасти собственные жизни и прилагали усилия, чтобы возбудить нас против латинян» [Ιωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις..., σ. 18.7–9].

Венецианские же власти, в свою очередь, с самого начала стремились предотвратить бегство жителей из Фессалоники, и даже Симеон отдавал должное усилиям, которые прилагали проводиторы для защиты и обеспечения города всем необходимым. По словам архиепископа, «принявшие [власть] обнаружили большое усердие, неся расходы, доставили триеры, чтобы защитить этот город» [Symeon of Thessalonica, p. 59.7–10].

Действительно, венецианцы предприняли ряд мер по укреплению обороноспособности Фессалоники [см.: Régestes..., p. 208, № 1898; p. 210, № 1908; p. 218, № 1944; p. 224, № 1972; p. 221, № 1956–1957; p. 244, № 2061]. На обеспечение города, согласно венецианским постановлениям, тратилось ежегодно порядка 60 тыс. дукатов [Ibid., p. 269, № 2175]. С сентября 1423 г. в город регулярно прибывали корабли с пшеницей, которую поставляли Крит, Негропонт и Корфу [Ibid., p. 210, № 1908; p. 233, № 2012; p. 247, № 2077–2078]. Также венецианские власти взяли под свой контроль продажу вина, мяса и хлеба внутри городских стен для того, чтобы избежать спекуляций, наносящих вред материальному положению горожан [Ibid., p. 222, № 1962]. Однако этих мер оказалось недостаточно, чтобы обеспечить население Фессалоники продовольствием, и к 1425 г. положение горожан стало крайне плачевным: «Люди, оставшиеся в городе, были в большой нужде, не хватало хлеба, не было даже пригодных к употреблению овощей, лишь дикий редис и другие растения, которые не могли бы спасти человеческое тело от голода» [Symeon of Thessalonica, p. 59.23–27].

Бедственное положение, в котором оказалось осажденное население, неизбежно выливалось в недовольство существующими в городе порядками, установленными местными властями — жители Фессалоники винили в своих бедах именно венецианцев. Как писал Иоанн Анагност, находившийся в городе во время осады, жители «страдали от владычества латинян; каждый день они приносили нам одни несчастья, и мы часто говорили друг с другом о том, как избавиться от них, но не было никакого плана, как освободиться от этой отвратительной договоренности» [Ιωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις..., σ. 6.31–33–8.1–2]. В городе ширились антилатинские настроения, что только усугубляло и без того незавидное положение венецианских властей, которым не удалось, несмотря на многочисленные попытки [Régestes..., p. 235–236, № 2018; p. 245, № 2066], убедить султана Мурада II снять осаду с Фессалоники и таким образом

дипломатическим путем избавить город от опасности. Таким образом, простые горожане, отягощенные бременем налогов и страдающие от недостатка снабжения, винили в своих бедах, с одной стороны, корыстолюбивых богачей, с другой — иноземную администрацию, которая, по их мнению, не предпринимала достаточных мер для обеспечения жителей всем необходимым.

По всей видимости, в городе остро ощущался разрыв между богатыми и бедными слоями, о чем, в частности, упоминает и Симеон: «Архонты живут бессмысленно, копят свое богатство и возвышают себя над теми, кто от них зависим, свободно совершая беззакония <...>. Они мнят, будто это их привилегия, и едва ли считают за людей бедных горожан и своих подданных. Но также и бедные, подражая тем, кто у власти, вооружаются друг против друга и живут алчно и разнузданно» [Symeon of Thessalonica, p. 47.9–14]. Так, по мнению архиепископа, представители знатных родов Фессалоники не желали проявлять сочувствие к бедам простых людей. Интересно, что свидетель первой османской осады Фессалоники 1383–1387 гг. архиепископ Исидор Глава, напротив, восхвалял старания архонтов и их заботу о судьбе города и в своих проповедях высказывался в поддержку правящей элиты, призывая горожан проявить уважение к стараниям представителей знати [Necipoğlu, 2003, p. 139]. Столь нелестные отзывы Симеона, поборника традиционных христианских ценностей и ярого сторонника императорской власти, были вызваны скорее всего тем, что часть архонтов придерживалась протурецкой позиции, в то время как другая ее часть посдействовала передаче города венецианцам.

Знатные семьи Фессалоники всячески старались избегать обязательств и взносов на общественные нужды, неизбежно возникавших в осадных условиях, и стремились дистанцироваться от какого-либо взаимодействия с венецианской администрацией [Ibid., p. 138–139]. Как следствие, многие знатные горожане бежали из Фессалоники, хотя провекторы предпринимали немало попыток удержать архонтов путем увеличения им ежемесячных выплат [Régestes..., p. 229, № 1995], которые, к слову, не поощрялись венецианским Сенатом.

Однако нельзя сказать, что фессалоникийская аристократия была полностью отстранена от управленческих структур. Напротив, в отличие от прочих венецианских колоний, в Фессалонике, согласно изначальной договоренности, существовало специальное представительство, именуемое Советом двенадцати [Ibid.]. Принципиальное отличие этого органа от аналогичного ему в Негропонте заключалось в том, что он состоял не из венецианских сановников, а из представителей греческой знати, поскольку, во-первых, в городе была невелика доля венецианского населения [Jacoby, 2003, p. 103–112], а во-вторых, до установления венецианской власти в Фессалонике существовал городской совет, с представителями которого венецианцы вынуждены были считаться.

Согласно одному из протоколов заседания венецианского Сената, «двенадцать господ должны входить в Совет, и это необходимо, потому что они знают обычаи города и [осведомлены] обо всем, что необходимо для его обороны» [цит. по: Melville-Jones, p. 196]. Как следует из этой цитаты, Совет имел

преимущественно совещательные функции, а его основная роль состояла в том, чтобы информировать проводителей о состоянии оборонительных сооружений и содействовать в управлении городом.

Совет также не имел непосредственных полномочий при организации обороны города, что, возможно, сказалось на настроениях его защитников, вынужденных подчиняться венецианской администрации. Как отмечал Иоанн Анагност, в 1430 г., перед решающим штурмом, венецианцы, не надеясь на верность горожан, рассредоточили греческих защитников в разных местах крепостных стен: «Те, кто управлял городом, не доверяя нам, разделили нас, латинян и греков, разместив среди нас всяких разбойников» [Ἰωάννου Αναγνώστου Διήγησις..., σ. 20.1–9]. Особенное возмущение автора вызвало то, что венецианские власти сосредоточили силы на укреплении гавани, где стояли три итальянских галеры, в то время как многие другие важные участки оказались незащищенными [Ibid., σ. 28.4–8]. В результате, когда турки ворвались в город, жители, вынужденные отступить, пытались прорваться в гавань к кораблям. Однако венецианцы, сами спасавшиеся тем же путем, приказали блокировать выход к морю, бросив греков на произвол судьбы [Ibid., σ. 38.27–30].

Последний эпизод наглядно характеризует отношение венецианских властей к греческому населению города. Венецианская администрация, понимая, что Фессалонику уже не спасти, сосредоточила усилия на сохранении гавани — единственного пути спасения из города. Поразительный цинизм, с которым отнеслись власти к судьбе горожан, показывает, сколь глубока была пропасть между греками и венецианцами.

Таким образом, городской социум Фессалоники в период осады города османскими войсками в 1422–1430 гг. был разьедаем внутренними противоречиями, которые не создавали условий консолидации городского сообщества для эффективной организации обороны города против внешнего врага. Находясь фактически в полной экономической и политической изоляции, горожане стремились найти выход из этой кризисной ситуации, обращая свои взоры в сторону османов и венецианцев, — словом, тех, кто, казалось, был готов принять их под свое крыло и обеспечить защиту и безопасность. Поляризация городской общины привела к тому, что часть аристократии, в особенности проосманской, бежала из города или была арестована, а простые горожане оказались беззащитны перед теми вызовами, которые принесло с собой венецианское владычество в городе. Усиливающийся социальный кризис в Фессалонике подпитывался регулярными попытками турок переманить греческое население на свою сторону и убедить их сдать город без боя, что вызывало ответную реакцию венецианцев.

Очевидный конфликт венецианской администрации с греческим населением Фессалоники лишь углубил пропасть между латинянами и их новоиспеченными подданными. Деятельность венецианских властей по управлению городом, их налоговая политика, ограничение юрисдикции архиепископа не только не сняли противоречий, но еще больше обострили их. Взаимное недоверие греков и венецианцев друг к другу, безразличие городских властей к проблемам их

поданных на фоне усиливающейся угрозы османского завоевания создавали тяжелый психологический климат в Фессалонике, что углубило духовный и идеологический кризис городской общины. В такой ситуации даже личный авторитет архиепископа, выражавшего интересы греческого населения Фессалоники, не мог склонить горожан к покорности венецианской администрации и убедить их сконцентрировать усилия на борьбе с общим врагом, что, в свою очередь, стало одним из ключевых факторов, приведших к падению города.

Источники

Dukas — Ducae Historia Turcobyzantina (1341–1462) / ex recensione B. Grecu. Bucharest : Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1958.

Georgii Sphrantzae Chronicon / a cura di R. Maisano. Roma : Accademia Nazionale dei Lincei, 1990. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; vol. XXIX).

Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. T. II : 1400–1430 / éd. par F. Thiriet. Paris : Paris Mouton et CO la haye, 1959.

Sathas — Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge publiés sous les auspices de la Chambre des députés de Grèce / éd. par C. N. Sathas. Paris : Maisonneuve et Cie, 1880. T. I.

Symeon of Thessalonica. Λόγος εἰς τὸν ἐν ἁγίοις μέγιστον ἀθλητὴν καὶ μυροβλῆτην Δημήτριον ἐν ἱστορίας τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγονότα διηγουμένου θαύματα // Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429). Wien : Verl. der Österreichischen Acad. der Wissenschaften, 1979. P. 39–69.

Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονοδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης // Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονοδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή — κείμενο — μετάφραση — σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958.

Μάρκος ο Εὐγενικός. Ἐάλω Θεσσαλονίκη: θρήνος γία τὴν ἄλωση τοῦ 1430 / ed. M. I. Pilavakis, D. Vamvakas. Αθήνα : Παπαδημήτριου, 1997.

Συμβουλευτικός — ‘Ο “Συμβουλευτικός πρὸς τοὺς Θεσσαλονίκεις” τοῦ Μανουὴλ Παλαιολόγου / ed. B. Lourdas // Μακεδονικά. 1955. Vol. 3. P. 290–307.

Исследования

Браунинг Р. Византийская Фессалоника: уникальный город? // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ : К 70-летию акад. Г. Г. Литаврина / под ред. Б. Н. Флоря. М. : Индрик, 1999. С. 23–38.

Жигалова Н. Э. Конформизм греков в условиях турецкой экспансии: взгляд поздневизантийских писателей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 116–124.

Куц Т. В. Власть и общество в условиях турецкой осады византийской Фессалоники (1383–1387 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 10 (74). URL: <https://history.jes.su/s207987840002449-2-1>

Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick ; New Jersey : Rutgers Univ. Press, 1969.

Dennis G. T. The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387. Roma : Pont. Institutum Orientalium Studiorum, 1960.

Dennis G. T. The Second Turkish Capture of Thessalonica // Byzantinische Zeitschrift. 1964. Bd. 57. H. 1. S. 53–61.

Dennis G. T. The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike // Dumbarton Oaks Papers. 2003. Vol. 57. P. 255–264.

- Dimitriades V.* Byzantine and Ottoman Thessaloniki // *Byzantinische Forschungen*. 1991. Vol. 16. P. 265–273.
- Jacoby D.* Thessalonique de la domination de Byzance à celle de Venise. Continuité, adaptation ou rupture? // *Mélanges Gilbert Dagron* / ed. by V. Déroche, D. Feissel, C. Morisson et al. Paris : Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2002. P. 303–318.
- Jacoby D.* Foreigners and the Urban Economy in Thessalonike, ca. 1150 – ca. 1450 // *Dumbarton Oaks Papers*. 2003. Vol. 57. P. 85–132.
- Lemerle P.* Recherches sur les institutions judiciaires a l'époque des Paléologues II. Le tribunal du patriarcat ou tribunal synodal // *Mélanges Paul Peeters*, II. Bruxelles : Société des Bollandistes, 1950. P. 318–333.
- Melville-Jones J. R.* Venice and Thessalonica 1423–1430: The Venetian Documents. Padova : Unipress Padova, 2002.
- Necipoğlu N.* The Aristocracy in Late Byzantium Thessalonike // *Dumbarton Oaks Papers*. 2003. Vol. 57. P. 133–151.
- Necipoğlu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009.
- Tafarli O.* Thessalonique au quatorzième siècle. Paris : Geuthner, 1912.
- Vacalopoulos A. E.* A History of Thessaloniki / transl. by T. F. Carney. Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1972.
- Τσάρας Γ. Ἡ Θεσσαλονίκη ἀπὸ τοὺς Βυζαντινοὺς στοὺς Βενετσιάνους (1423–1430) // *Μακεδονικά*. 1977. Τ. 17. Σ. 85–123.

References

- Barker, J. W. (1969). *Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship*. New Brunswick; New Jersey: Rutgers University Press.
- Brauning, R. (1999). Vizantijskaia Fessalonika: unikal'nyi gorod? [Byzantine Thessalonica: A Unique City?]. In B. N. Florya (Ed.), *ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ: Κ 70-letiiu akad. G. G. Litavrina* [ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ: For the 70th Birthday of Academician G. G. Litavrin] (pp. 23–38). Moscow: Indrik.
- Dennis, G. T. (1960). *The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387*. Roma: Pont. Institutum Orientalium Studiorum.
- Dennis, G. T. (1964). The Second Turkish Capture of Thessalonica. *Byzantinische Zeitschrift*, 57(1), 53–61.
- Dennis, G. T. (2003). The Late Byzantine Metropolitans of Thessalonike. *Dumbarton Oaks Papers*, 57, 255–264.
- Dimitriades, V. (1991). Byzantine and Ottoman Thessaloniki. *Byzantinische Forschungen*, 16, 265–273.
- Jacoby, D. (2002). Thessalonique de la domination de Byzance à celle de Venise. Continuité, adaptation ou rupture? In V. Déroche, D. Feissel, C. Morisson et al. (Eds.), *Mélanges Gilbert Dagron* (pp. 303–318). Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance.
- Jacoby, D. (2003). Foreigners and the Urban Economy in Thessalonike, ca. 1150 – ca. 1450. *Dumbarton Oaks Papers*, 57, 85–132.
- Kushch, T. V. (2018). Vlast' i obshchestvo v usloviakh turetskoi osady vizantiiskoi Fessaloniki (1383–1387 gg.) [Power and Society under the Turkish Siege of Byzantine Thessalonica (1383–1387)]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, 9, 10 (74). URL: <https://history.jes.su/s207987840002449-2-1>.
- Lemerle, P. (1950). Recherches sur les institutions judiciaires a l'époque des Paléologues II. Le tribunal du patriarcat ou tribunal synodal. In P. Lemerle (Ed.), *Mélanges Paul Peeters, II* (pp. 318–333). Bruxelles: Société des Bollandistes.
- Melville-Jones, J. R. (2002). *Venice and Thessalonica 1423–1430: The Venetian Documents*. Padova: Unipress Padova.

Necipoglu, N. (2003). The Aristocracy in Late Byzantium Thessalonike. *Dumbarton Oaks Papers*, 57, 133–151.

Necipoglu, N. (2009). *Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tafrali, O (1912). *Thessalonique au quatorzième siècle*. Paris: Geuthner.

Tsaras, G. (1977). Η Thessalonikh apo touc Buzantinouc stouc Benetsianouc (1423–1430) [Thessaloniki from Byzantines to Venetians (1423–1430)]. *Makedonika*, 17, 85–123.

Vacalopoulos, A. E. (1972). *A History of Thessaloniki* (T. F. Carney, Trans.). Thessaloniki: Institute for Balkan Studies.

Zhigalova, N. E. (2015). Konformizm grekov v usloviakh turetskoi ekspansii: vzgliad pozdnevizantiiskikh pisatelei [Greek Conformism under Turkish Expansion: Late Byzantine Writers' View]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 4 (145), 116–124.

Жигалова Наталья Эдуардовна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина 51
E-mail: nezhigalova@gmail.com

Zhigalova, Natalia Eduardovna

PhD (History), Associate Professor
Department of Ancient History
and the Middle Ages

Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: nezhigalova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1365-2801